

РЕФЕРАТЫ

Николаев В.Г.

Майкл Манн Глобализация и 11 сентября

MANN M. Globalization and September 11 // New Left Review. L., 2001. № 12. p. 51-72.

Реферируемая статья представляет собой расширенную и исправленную версию лекции, прочитанной Майклом Манном в РГГУ (Москва) 24 сентября 2001 г. Версия датирована 9 ноября. Статья посвящена анализу состояния и перспектив глобализации с особым акцентом на связях между глобализацией и «страшной последовательностью событий, открывшейся 11 сентября».

То, что глобализация как «расширение социальных связей в масштабах земного шара» происходит, не подлежит сомнению. Важнее (и труднее) дать ответы на вопросы: как быстро она происходит; насколько далеко заходит; насколько равномерно протекает; не оставляет ли она на обочине какие-то регионы и группы; продолжится ли она в будущем? Многие существующие варианты теории глобализации не вполне адекватны поставленным вопросам. Те из них, которые изображают глобализацию как единый процесс, ведущий к гармоничному глобальному обществу, и сводят ее к экономической (транснациональный капитализм, революция в средствах коммуникации, новые массовые рынки потребительского капитализма) или иной (появление единой глобальной культуры, конвергенция государств к единой политической модели) составляющей, ложны. Другие, допускающие конфликтность этого процесса, часто оказываются «слишком узкими и системными».

По Манну, глобализация многомерна: она «не едина, а множественна» (так что правильнее говорить о «глобализациях», во множественном числе), и она «как интегрирует, так и дезинтегрирует», добавляя к разносимым по всему миру противоречиям внутри Запада и Севера противоречия внутри Юга, а также в отношениях Север—Юг. Она не всегда протекает мирно: некоторые порождаемые ею конфликты выливаются в вооруженное противостояние. Все эти черты были свойственны глобализации с самого начала, а началась она уже давно: ее история насчитывает много столетий.

Для адекватного рассмотрения перспектив глобализации Манн требует поместить их в контекст «более широкой теории общества», в качестве таковой предлагает теорию, изложенную им в двухтомной книге «Источники социальной власти» (1986, 1993). В общих чертах суть ее такова: «Преследуя свои цели, люди создают четыре основных типа властной организации: идеологическую (или, если хотите, культурную), экономическую, военную и политическую. Эта модель рассматривает глобализацию как состоящую из экспансий всех четырех указанных сетей взаимодействия, каждая из которых может иметь разные границы, ритмы и результаты, разнося по всему земному шару особые формы интеграции и дезинтеграции. Дискуссия о глобализации ни одну из них не должна упускать из внимания» (p. 52). В качестве примера Манн приводит колониальную экспансию

европейцев XV–XIX вв. Она была *множественной* и включала экспансию капитализма, империализма и идеологий (христианства, индивидуализма и расизма). Именно идеология расизма, вызвав сопротивление в колониях, помешала колониалистам создать прочные империи: «Две тысячи лет назад жители Северной Африки *стали* римлянами, вносящими свой вклад в долголетие Империи. Но в XVIII и XIX вв. африканцы не стали британцами. Исключаемые как расово низшие, они скинули британских хозяев, как только представился шанс» (р. 53). Далее Манн рассматривает четыре источника власти, определяющие сегодняшнюю траекторию глобализации.

Сначала он останавливается на **экономической власти**. Одной из сил глобализации является капитализм, который в силу своей внутренней природы «формально транснационален». Сегодня транснациональный рост капитализма достиг уровня, который был накануне Первой мировой войны, а с точки зрения коммуникаций и прямых инвестиций намного его превосходит. Капитализм в принципе мог бы стать «сплошь глобальным», если бы не три «водораздела» (*divides*), определяющих в последнее время лицо глобализации и прежде всего ее неравномерность: это раскол между Севером и Югом, между национальными государствами и между регионами.

Самый важный водораздел — между Севером и Югом (эти понятия сугубо условны, так как Австралия и Новая Зеландия относятся к Северу, а значительные части Китая, России и бывших советских республик Средней Азии — к Югу). Этот раскол создается противоречивостью «остракизирующего империализма»: «одна часть мира одновременно избегает экономики другой и господствует над ней», «самые бедные страны мира не интегрируются должным образом в транснациональный капитализм, а “подвергаются остракизму” со стороны капитализма, считающего их слишком рискованными для инвестиций и торговли». В результате «международная торговля и инвестиции становятся все более сосредоточенными в пределах Севера» (р. 53-54). Манн приводит показательные цифры. В период 1850-1950 годов торговля между Севером и Югом составляла 30% от общего объема, а инвестиции, пересекающие эту границу, — 50%. К началу 80-х годов обе цифры упали до 20%; причем в этих расчетах Япония и восточно-азиатские «тигры» учитывались как часть Юга, и при отнесении их к Северу доля торговли и инвестиций, сосредоточенных внутри Севера, составила бы 90%. При сохранении данной тенденции доля Африки, Среднего Востока, Латинской Америки, Восточной Европы и стран бывшего СССР (40% мирового населения) составит к 2020 г. всего 5% мировой торговли. Таким образом, «экономическая “глобализация” есть по большей части Northernization, которая интегрирует развитые страны, но исключает значительную часть бедного мира и тем самым углубляет неравенство в росте и благосостоянии между Севером и Югом» (р. 54). Между тем этот остракизм лишь частичен: Север господствует над Югом, торгует с ним и вкладывает в него деньги. При этом для отношений между Севером и Югом характерен «неравный обмен», и Манн выделяет два механизма его поддержания. Первый — «вековая тенденция к снижению цен на сырье по сравнению с ценами конечных продуктов». Второй — колебания процентных ставок по кредитам, приводящие время от времени к масштабным долговым кризисам (таким, какой произошел в 80-е годы) и тем самым дающие Северу (и, в частности, подконтрольным ему международным финансовым институтам, таким, как МВФ, Мировой банк и т. д.) повод к вмешательству в экономическую политику государств Юга. «Такие интервенции часто вполне резонно воспринимаются Югом как экономический империализм» (р. 55). В ближайшем будущем возможна перегруппировка экономических сил в рамках водораздела Север-Юг. Так, возможно постепенно вхождение в Север быстро развивающихся Индии и Китая (на Китай приходится 50% инвестиций Севера в Юг). Что касается России, то она, по мнению Манна,

«раздваивается»: «ось Москва-Петербург становится вполне принадлежащей Северу, тогда как почти вся остальная часть страны остается в составе Юга». Несмотря на возможность таких перегруппировок, «мир никогда не видел равномерно распределенного процесса глобального развития» и вряд ли увидит его в будущем: «Север крадется вовне, но водораздел остается» (р. 55).

Другой важный фактор неравномерности глобального экономического развития — сохранение и рост значимости национальных государств (nation-states), остающихся «неподатливыми сетями экономического взаимодействия» и обеспечивающих «основной объем политического регулирования, требуемого капитализмом». Так, через торговлю внутри национальных границ реализуется 80% производимой в мире продукции; рынки труда остаются главным образом национальными (уровень международной миграции рабочей силы сегодня ниже, чем накануне Первой мировой войны). Положение национальных государств Севера и Юга несколько отличается. Если на Севере движение к экономической интеграции и регулирование экономических конфликтов между государствами и международными институтами оставляют национальным государствам роль «важных акторов», то южные страны, уступая в экономическом могуществе Северу, теряют способность сопротивляться «глобализации по-северному». Во многих правительствах Юга тон задают «реалисты» и экономисты Чикагской школы, служащие проводниками исходящих от Севера рецептов и программ экономического развития. В условиях углубления неравенства между Севером и Югом недовольство населения обращается на правительство; еще одной силой, противостоящей правительству, становятся ущемленные местные элиты, чьи интересы оказываются всерьез задеты его неолиберальными мерами. При этом экономический конфликт переходит из разделения Север–Юг внутрь южного национального государства, «ослабляя сплоченность обществ и государств Юга и еще более снижая их способность к сопротивлению» (р. 56).

Наконец, в экономической политике есть макрорегиональные различия. В пределах Севера Манн связывает их с тремя основными типами «западных» режимов: либеральным, корпоративным и социал-демократическим. Сегодня наиболее сильны либералы во главе с США; при этом Манн подчеркивает, что «американская экономика, в отличие от вооруженных сил США, не обладает гегемонией над соперниками» (р. 57). Либеральная экономическая политика в наибольшей степени способствует углублению неравенства, и при определении перспектив надо исходить из этого. В будущем региональные различия будут углубляться (особенно если в Север вольются Китай, Индия и Россия); будут расти разногласия между США, Европой и Японией; а в случае ослабления гегемонии США возможно появление серьезных «трещин» внутри Севера.

Вывод Манна из рассмотрения экономического аспекта глобализации: «Капитализм глобализует, но с «северным» лицом. Общий дрейф остается опосредованным национальными и макрорегиональными различиями» (р. 57). Самые опасные конфликты, вызываемые описанными процессами, возникают на Юге; но «самим по себе их недостаточно, чтобы вызвать острый конфликт на глобальном уровне, ибо пар по большей части уходит в противостояние внутри государства» (р. 57).

Далее Манн переходит к анализу распределения **военного** могущества: в этой сфере, на его взгляд, в последнее время произошли «самые драматические» изменения. «Впервые в истории человечества война, по крайней мере между великими державами, стала абсолютно иррациональной в качестве средства достижения человеческих целей» (р. 57). Это связано с обладанием ядерным оружием. Военная гегемония США, усиленная распадом СССР, достигла невиданных масштабов: оборонные расходы США

равны сумме оборонных расходов 12 следующих по значимости военных держав. Следствием военной гегемонии США стал пацифизм старого Запада: между государствами Западной Европы войны немислимы, а от Юга они укрыты «американским зонтиком». Север «принимает военное господство США как необходимое для собственной обороны» и «интегрируется как единая военная система» в противовес Югу; это устанавливает «не имеющие прецедентов в истории степень и форму военной гегемонии» (р. 58).

Однако консенсус, объединяющий Север, не распространяется на Юг, и, хотя для стран Юга война, видимо, тоже станет иррациональной «со временем, когда они приобретут ядерное, химическое или биологическое оружие» (р. 57), в настоящее время они могут использовать войны для разрешения споров. Вне Севера Манн усматривает два основных военных «водораздела» (divides).

Первый связан с региональными державами, «на которые США не имеют ни желания, ни способности оказывать принуждение» (р. 58). Это прежде всего Китай, Россия, Индия, Пакистан. Они ищут выгод от сотрудничества с США и подконтрольными им финансовыми институтами, но не терпят американского господства. С Россией у США нет серьезных разногласий, равно как с Индией и Пакистаном (несмотря на их опасный взаимный антагонизм); помимо прочего, «эти государства имеют общий интерес к переопределению некоторых своих врагов как “исламских фундаменталистов” — предположительно, легитимируя тем самым их подавление» (р. 58). С Китаем есть спор вокруг Тайваня, и США «отчаянно надеются, что Китай не будет проводить воссоединение агрессивно» (р. 59). Эти державы избегают войн, но в конечном счете риск остается.

Вторая разделительная линия пролегает между США (а также Севером в целом) и теми силами Юга, которые не имеют военной мощи, сколь-нибудь сопоставимой с военной мощью США. Эти силы выработали особые способы сопротивления, в результате чего в последние десятилетия «военное господство Севера над Югом ослабевало» (р. 59). На этом фоне ясно обнажились «слабые места» Севера и, в частности, американцев. Манн указывает на два таких места. Одно связано с возобладавшем на Севере пацифизмом: общественное мнение на Севере (и в том числе в США) не готово мириться с потерями среди своих солдат. Отсюда избегание применения сухопутных сил на чужой территории и дополнительный идеологический козырь в руках, например, тех же исламских фундаменталистов: когда в 1997 г. американцы после людских потерь ушли из Ливана и Сомали, Осам бен Ладен заявил в интервью CNN, что победили «бедные, безоружные люди, чьим единственным оружием была вера в Аллаха всемогущего». Вторая слабость долгое время была не видна на фоне увлечения высокотехнологичным оружием (ядерными боеголовками и ракетами с лазерным наведением), и связана она с тем, что в последнее время произошла настоящая революция в «оружии слабых»: «на смену АК-47, упрощенному, массово производимому, носимому в руках автомату, пришли носимые на плече ракеты земля–воздух и противотанковые ракеты», так что чеченский боевик ракетой стоимостью 200 долларов уничтожает танк стоимостью 1 млн. долларов (притом что пехота избегает ввязываться в бой и оставляет танк неприкрытым). Упомянутая революция напрямую связана с глобализацией: партизаны «имеют доступ к глобальной индустрии — контрабанде оружия, — через которую глобализация, объединяя, фрагментирует и убивает» (р. 59–60). События 11 сентября показали новый вид применения «оружия слабых» — когда «десяток террористов, вооруженных ножами и гражданскими самолетами, убили более 3 тысяч человек и уничтожили... ключевые символы экономической и военной мощи США», — и обнажили уже наметившуюся «тенденцию в войнах XX века: растущий выбор гражданского населения в качестве

мишени» (р. 60). Оружие для подобных акций («ножи, мобильные телефоны, Интернет» и т. п.) свободно продается на глобальных рынках; «требуется лишь добровольцы-самоубийцы».

Относительно военной сферы Манн делает два основных вывода. Первый: военное могущество Севера над Югом ослабевает, ибо, в отличие от империй XIX века, обладавших адекватной огневой мощью для военного и политического подчинения противника, нынешний Север не имеет эффективных средств воздействия на враждебные политические режимы (бомбардировки с воздуха этого не обеспечивают). Второй вывод: «возникает дуальный военный мир... состоящий из “зон мира, зон беспорядка”»: в основном зараженный пацифизмом Север существует рядом с регионами вооруженных беспорядков» (р. 61). Манн особо подчеркивает также несовпадение военных «разделительных линий» с экономическими, политическими и идеологическими.

Следующий раздел статьи посвящен **политическим** аспектам проблемы. Главный фактор здесь — роль национальных государств, которые, несмотря на «распространенную веру, что нация-государство подрывается глобализацией», остаются «единственными акторами, обладающими авторитетной регулятивной властью над своими территориями и воздушным пространством», даже в тех случаях, когда они сотрудничают в решении глобальных проблем (например, экологических). «Государства остаются, но степень конвергенции между ними развивает высокий уровень интеграции на глобальном уровне» (р. 61–62). При мирном взаимодействии между государствами возможно становление «единой глобальной политической культуры», «единого международного мирового порядка». Противоречивый и не всегда мирный характер этого процесса мешает достижению такого результата: «Демократия и развитие остаются обманчивыми. Они до сих пор не распространились равномерно по всему миру» (р. 62). Манн выделяет два основных препятствия для демократии.

(1) XX век показал «трудность достижения демократии в многоэтнической и мультирелигиозной среде». В таких средах демократический лозунг «власть народа» обычно превращался в программы господства одной этнической или религиозной группы над другими, поскольку сам «народ» интерпретировался в этнических или религиозных терминах. Следствием становятся гражданские войны и этнические чистки — «темная сторона процесса демократизации». Это «по сути современная проблема, порожденная глобальной диффузией идеала “власти народа”». То, что было прошлым для Севера, стало настоящим для Юга; «политические искривления модерна глобализируются» (р. 62).

(2) Второе препятствие — все большее экономическое отставание Юга, порождаемое «остракизирующим империализмом» на фоне глобализованного стремления всех государств к экономическому развитию. Глобальные СМИ и культ потребления, создавая «фантастический образ экономического изобилия», подогревают это стремление. Недовольство населения, вызываемое неудачей в развитии, ослабляет легитимность южных политических режимов и оказывает «воспламеняющее» воздействие на упомянутые ранее «зоны беспорядка», продуцируя политические конфликты в странах Юга и между ними и Севером.

На фоне межэтнических и межрелигиозных конфликтов и экономических провалов Север (в основном в лице США) вмешивается в ситуацию в южных «зонах беспорядка» и тем самым лишь усугубляет в них нестабильность. Манн выделяет три вида вмешательства: неолиберальные программы реструктуризации южных экономик; поддержка южных режимов-сателлитов; поддержка каких-то из участников этнических и религиозных конфликтов на Юге. Все три вида вмешательства провоцируют недовольство местного населения и обостряют локальные конфликты; взрывоопасную

смесь всех трех мы имеем на Ближнем Востоке. Корни «крайней реакции 11 сентября» следует искать здесь (р. 63).

Вместе с тем Манн подчеркивает: Ближний Восток — «крайний случай». «Никакая другая зона беспорядка не видит всех трех видов вмешательства, а некоторые и вовсе никаких не видят» (р. 63). В последнем случае образуются «черные дыры»: «регионы, страдающие от остракизма, но не от империализма». Таких много в Африке (Сахара, Руанда, Бурунди, Конго и т. д.). В этих местах сопротивление «уходит внутрь»: насилие не направлено против империализма Севера и «представляет мало угрозы для остального мира». «Политическая глобализация может включать некоторое число таких “черных дыр”» (р. 64). Одно из ключевых отличий «черных дыр» от зон «антиимпериалистической борьбы» следует искать в идеологических факторах.

Идеологическому аспекту глобализации посвящен последний, самый большой раздел статьи. Манн исходит из того, что единое мировое общество, создаваемое глобализацией, невозможно без единого культурного сообщества, и идеологическое господство принадлежит «тем, кто может предложить системы значений и мобилизующие ритуалы, создающие правдоподобный смысл мира, в котором мы живем» (р. 64). Север выдвинул несколько идеологических систем, обладающих серьезным глобализующим потенциалом. Манн выделяет три из них: потребительскую культуру, либеральный гуманизм и английский язык. Диффузия всех трех культурных продуктов имеет противоречивый характер. По Манну, «наиболее успешна глобализация дешевых культурно-потребительских благ: моды, напитков, фаст-фуда, поп-музыки, телевидения и кино» (р. 64). Доступность этих товаров даже для неимущего тинэйджера благоприятствует утверждению глобальной молодежной культуры, и это можно считать «самым важным интегрирующим эффектом глобализации», так как «капиталистическое потребление глобально протаскивается... в частную жизнь людей». Вместе с тем гомогенизация на микроуровне повседневной жизни не распространяется на такие макрообласти, как политика: приобщение к глобальным потребительским образцам не мешает сербам и албанцам в Югославии убивать друг друга. При всей привлекательности либерального гуманизма с его идеей «всеобщих прав человека» и «критикой эксплуатации, угнетения и коррупции», это слишком мирская и по-американски окрашенная идеология, чтобы ее мог принять Юг, недовольный экономической и военной политикой США и Севера в целом. Некоторые элементы либерального гуманизма (приоритет прав человека над экономическим благополучием и общественной безопасностью, феминизм) часто вообще воспринимаются как неприемлемые. Такие военно-политические акции, как американская бомбардировка афганцев, также подрывают доверие к северной демократии. Английский язык глобализуется как средство общения в «современных секторах», прежде всего в секторе бизнеса, но не более того.

В противовес «единой северной глобальной культуре» Юг выдвигает многочисленные контр-идеологии, имеющие этническую и/или религиозную окраску: «весь Юг охвачен этнонационализмом и движениями религиозного возрождения» (р. 65). В одной только Индонезии шесть таких движений. Подрывая стабильность в странах Юга и делая их непривлекательными для инвестиций, этнонационализм невольно укрепляет «остракизирующий империализм». Манн отмечает, что этнонационализм есть «часть глобальной модернизации, а не периферийная реакция на нее», и следствием его становится «идеологическая фрагментация» (там же). Некоторое время назад социализм обеспечивал «более широкое сопротивление», «правдоподобно интерпретируя колониальное и постколониальное угнетение в терминах капиталистического империализма»; ныне он стал «идеологией черных дыр» (р. 66).

Основное сопротивление северным идеологическим влияниям облечено сегодня в религиозную форму. Если в пик антиколониальной борьбы главным врагом религиозных фундаменталистов после ухода колониалистов становились местные политические элиты, отождествлявшиеся с господством Запада, то там, где утверждалась американская военная гегемония, таким врагом становились «местные светские элиты, стоящие на службе американского империализма». Хотя фундаменталистские религиозные движения возникли не только в исламе, именно ислам занял в этом плане лидирующие позиции в Африке и Азии. Манн отмечает две причины этого: (1) давнюю способность ислама «вскармливать сопротивление против иностранного империализма» и (2) особую способность ислама порождать внутри себя «военные секты» (р. 66–67). Ваххабиты, стоящие у власти в Саудовской Аравии и других государствах Персидского залива, были в прошлом именно такой сектой; считается, что они «приложили руку» к событиям 11 сентября.

Деятельность многих исламских фундаменталистских движений имеет локальный характер и направлена на утверждение шариата в их сообществах: «они ненавидят иностранные влияния в своем регионе, но им нет никакого дела до более широкого “империализма”». Между тем, некоторые среди исламских фундаменталистов (Манн называет их «воинствующими фундаменталистами») не ограничиваются призывом к джихаду («борьбе во имя Аллаха») и вдобавок к этому подчеркивают *qital* («вооруженную борьбу» против врагов ислама). Они находят оправдания этого призыва в Коране: например, «угнетение даже хуже, чем убийство» (р. 191). Такие ссылки позволяют им определять правителей мусульманского мира как «больше не мусульман»; а «когда мусульманские и неверные угнетатели кажутся сросшимися в мирской и материалистической оболочке, резонанс призыва к оружию возрастает еще больше» (р. 68). Сила «воинствующего фундаментализма», по Манну, состоит в том, что он «дает объяснение реальных социальных условий и предлагает правдоподобную, хотя и рискованную стратегию их исправления» (там же). Наибольший резонанс это идеологическое течение получает в тех местах, где сталкиваются бедность Юга и империализм Севера (Ближний и Средний Восток, Чечня). Так, бен Ладен в видеообращении 7 октября трижды ссылался на «угнетенных палестинцев» и один раз на «изгнание армии неверных с земли Мухаммеда», тогда как прежде его риторика была сосредоточена больше на Саудовской Аравии, нежели на палестинцах (р. 69). Последнее обстоятельство высвечивает такой важный факт, как противостояние внутри мусульманского мира.

Религиозная идеология радикальных мусульманских движений придает локальным конфликтам религиозную окраску, определяет врагов в религиозных терминах и дает борьбе с этими врагами «более глобальную космологию», ясно выраженную в заявлениях бен Ладена о том, что мусульмане сражаются против «неверных» (за этим стоит борьба Добра со Злом, борьба Бога против Шайтана). Такой призыв «в особенности способен рекрутировать молодых, образованных диссидентов в авторитарных государствах и молодых беженцев, гонимых конфликтами по всему мусульманскому миру; ни у тех, ни у других в условиях стагнирующей экономики нет будущего. Эти две группы не очень велики, редко генерируют ресурсы, позволяющие захватить власть. Однако... они пользуются симпатией значительной части бедных и среднего класса мусульманского мира» (р. 69–70). По мнению Манна, можно смело предсказывать, что «одной только военной мощью угроза воинствующего фундаментализма не будет устранена ни в одной из этих религий. На самом деле это, вероятно, только подольет масла в огонь, так как, видимо, будет лишь подтверждать космологию, предложенную воинственными фундаменталистами. Недовольные образованные лидеры и беженцы — ключевые элементы, которые будут поставлять

поколения молодых мужчин и, возможно, женщин, готовых идти на риск и даже пожертвовать своей жизнью во имя такого могущественного видения... Среди них будут очень немногие, которые будут осознанно выбирать самоубийство в бою. Это стало крайним оружием слабых против могущественных этого мира. Смогут ли они когда-нибудь повторить такой ужасный акт, как 11 сентября, зависит от того, будут ли найдены столь же неожиданные технические средства. Но северяне в целом должны теперь бояться этой возможности» (р. 70).

Нынешняя конфронтация, по мнению Манна, не была неизбежной. Она в значительной мере результат американской политики в отношении коммунизма, Израиля и нефти. Борясь против коммунизма, США поддерживали религиозный фундаментализм и сами взрастили своего нынешнего противника. Поддерживая Израиль со дня его образования, США продолжали это делать даже тогда, когда он превратился из «жертвы» в «угнетателя». Интерес к нефти заставил США расквартировать войска в Саудовской Аравии и странах Персидского залива, совершить нападение на Ирак, что разогрело фундаменталистские настроения в этом регионе. В качестве мер, которые могли бы охладить противостояние, Манн предлагает более взвешенный подход США к палестинской проблеме, переориентацию помощи арабским странам с военной на экономическую и принятие более прогрессивной стратегии международного развития. Такие меры не решили бы проблему полностью, но позволили бы избежать крайностей.

В завершении статьи Манн подводит некоторые итоги. Глобализация происходит; это «реальный процесс»; но она множественна, противоречива и неравномерна. Мир остается разделен на части несколькими не совпадающими друг с другом «разделительными линиями» (экономического, политического, военного и идеологического характера); это сопряжено с различного рода конфликтами, разрешаемыми иногда мирно, а иногда — силой оружия. «Такая комплексность не нова для человеческих обществ. Глобализация просто меняет свои масштабы». Анализ фактов заставляет считать, «что мы в настоящее время вовсе не движемся к единому глобальному обществу». И, увы, новые идеологии воинственного характера и новые разновидности оружия слабых, проявившие себя в событиях последнего времени, «являются частью глобализации в такой же степени, как доллар, Интернет или Кока-кола» (р. 72).